

Размышления над новой книгой

© 2001 г.

И.А. БУТЕНКО

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ ВРЕМЕН ПОЗДНЕЙ И УСКОРЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

(заметки в связи с одним учебником)

*БУТЕНКО Ирина Анатольевна - доктор социологических наук, заведующая отделом
Института культурологии Министерства культуры РФ.*

Однажды в студеную зимнюю пору
Сижу за окошком в темнице сырой.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Вскормленный в неволе орел молодой.

(Из школьных развлекалок)

Среди лавины новых учебников и учебных пособий по культурологии, толстых и тонких, в разных обложках и вовсе без, коллективных и индивидуальных, с картинками, графиками, фотографиями или только с текстом, мое внимание привлекло одно издание. Речь идет об учебном пособии для высшей школы, написанном А.И. Кравченко [1].

На исходе тысячелетия отечественная культурология превратилась в область постоянных спекуляций, в арену для предания гласности безудержных откровений многочисленных дилетантов. Что выгодно отличает данное издание от множества других с аналогичным заголовком, видно уже из оглавления, которое демонстрирует широкую эрудицию автора, его разносторонние познания в весьма различных сферах, несомненную способность строго упорядочить сведения, которыми он располагает. Это - солидная книга в твердой трехцветной обложке, оформленная в сдержанном стиле, с латинским призывом *Gaudeamus* (возрадуемся. - *Примеч. ред.*), из трех частей: Общие категории культуры; Социология и антропология культуры; Мировая художественная культура.

Остановлюсь на первых двух разделах, вместе составляющих половину книги. Логичной выглядит структура - вводится понятие предмета, дается типология культуры, рассматриваются культурные нормы и их динамика. Во втором разделе речь идет о формах приобщения к культуре, общении, фольклоре, соотношении массовой и популярной культуры и др. Большое количество подпунктов делает оглавление длинным, но весьма богатым - здесь, кажется, есть почти все, что угодно для души культуролога. Не забыты, например, дорогие моему сердцу "цитирование" ритуалов, народные знания, этикет, кодекс чести.

В целом в книге удачно разводятся коммуникация и общение. Первое описывается как техническая возможность для второго (с. 197). Интересны рассуждения автора о телевещании как факторе глобализации, обеспечивающем единство информационного

и во многих отношениях культурного пространства (с. 205). Правомерно внимание к культурным конвенциям, актуальным в межкультурном общении (с. 218—219). Интересен исторический экскурс в использование слова "культура" (с. 10), демонстрация того, как в России применялись выражения "образованность", "разум", "воспитанность". Но не названные - кстати, многочисленные - плюсы заставили меня взяться за эти заметки. А минусы. Вот о них-то и пойдет речь.

Культура как оценка. В учебнике культура сначала определяется как совокупность результатов человеческой деятельности (с. 9). Казалось бы, вполне ценностно нейтральное определение - все, что делает человек, руками или мысленно - культура (в отличие от природы в той ее части, к которой человек еще не прикасался). То есть "культурное" оказывается качественным определением, не предполагающим степеней сравнения. Такое определение разделяется сегодня социальными и культурными антропологами, этнографами, значительной частью социологов. Оно во многом обусловлено стремлением исследователей описывать явления непредвзято, избегать этноцентризма, не претендовать на знание "лучшего" и "худшего", соблюдать политическую корректность. Но в данном издании такой подход отражен лишь в формулировке определения, а исходная позиция автора проявляется в том, чтобы использовать упомянутое слово исключительно в относительном значении, то есть делить результаты деятельности на "более" и "менее" культурные, определять, где и чья культура "выше", чья "ниже". Не сообщая о смысле, вкладываемом им в эти оценки, А.И. Кравченко далее утверждает: "Высокая культура обозначает пристрастия и привычки горожан, аристократов, богатых, а массовая культура - культура низов" (с. 75).

В современной социальной и культурной антропологии различие между ними чаще строится по другому признаку: первая - сфера поиска и экспериментов, вторая - сфера применения готовых образцов и формул (скажем, многие любовные романы, триллеры, детективы пишутся с расчетом дозировки экзотики, эротики, психоанализа и т.п., апробированной в предшествующих публикациях).

Аналогичны неточности и другого утверждения, касающегося народной культуры, где А.И. Кравченко опять выделяет два уровня, давая каждому оценку - "высокий, связанный с фольклором и включающий народные предания, сказки, эпос, старинные танцы и др., и сниженный, ограниченный так называемой поп-культурой". И далее: "мифы, легенды, сказания... принадлежат к высочайшим творениям народной культуры" (с. 74). Интересно, куда в таком случае попадают похабные частушки и весьма фривольные элементы традиционного русского свадебного обряда? Или современная мифология, отраженная в тех же любовных романах?

Более распространенным подходом оказывается не противопоставление этих видов культуры, а рассмотрение их как отчасти взаимопересекающихся: в популярную входит то, что в данный момент принято, в прямом или переработанном виде, независимо от того, выработано ли это анонимным (народная культура) или известным (высокая и массовая) автором [2].

Чем дальше от абстракций, тем больше оценок. И вот читаю следующее: "Университетский профессор ведет возвышенный образ жизни и приобщен к высокой культуре" (с. 96). Очень хочется пояснений, чтобы вписать это высказывание в раздел о стратификации и культуре, но их нет.... Таким образом, декларировав вполне современный общий подход, автор легко и с удовольствием отказывается от него, едва речь заходит о подробностях, и щедрой рукой раздает оценки налево и направо.

Этноцентризм как авторская позиция. А.И. Кравченко специально говорит об этноцентризме, который долго и пространно пытается определить, сначала "не только как психологическую установку, но как *искаженное* (выделено мной. - И.Б.) представление о культурных явлениях" (с. 225). Правда, 27 строчками ниже переопределяет его со слов "ученых" как "склонность представителей одного народа (этноса) оценивать другие культуры с позиций своей собственной" (там же). Интересно, что далее он честно признает, что собственная культура расценивается как единственно правильная или самая передовая. Но это - только применительно к другим (в данном случае к

испанским миссионерам в Америке; сс. 225-226). Говоря о нормах "вообще", автор вполне квалифицированно все излагает - и их функции представлены, и классификации даны, и про аномию упомянуто. Но вот речь заходит о конкретных примерах, - и абсолютизация его собственных нормативных представлений о себе тут же заявляет: "Культура общения допускает, чтобы подчиненный высказывал в разговоре с начальником некоторые элементы лести, а мужчина в общении с женщиной проявлял элементы заигрывания" (с. 116).

В социальной и культурной антропологии принято документировать подобные описания: где, в какое время это "нормально". Автор же постоянно забывает сказать, что именно он сам считает нормальным. Осознание собственного этноцентризма позволило бы ему, возможно, воздержаться от утверждения "уступать пожилым людям место... кажется очевидным" (с. 124) или по крайней мере дополнить его замечанием, что в доисторические времена где-то в Африке именно пожилых людей считалось само собой разумеющимся поедать, сначала при затруднениях с продовольствием, а потом чтобы унаследовать их мудрость. Добавил бы он и то, что в западных обществах в последней трети XX в. уступать место политически некорректно, этот поступок трактуется как *эйджизм* (от англ. "age" — возраст, дискриминация по возрастному признаку. - *Примеч. ред.*), демонстрация физических преимуществ более молодых лиц.

Подобную же абсолютизацию собственных норм, но уже применительно к тендерным отношениям, можно встретить весьма часто. Начну с того, что о лицах женского пола при разговоре о человечестве автор вообще забывает: говоря, например, о юности, он упоминает лишь юношей, к которым "обычно относят подростков и молодых людей". "Он быстро утомляется, ... его чрезмерная ранимость..."; "подростки и юноши более восприимчивы к негативным оценкам окружающих" (с. 327). Кстати, более чем кто - девочки и девушки? Бабушки и дедушки? Дальше - больше: "Обычай предписывает, чтобы мужчина, прогуливаясь с женщиной по улице, держал ее под руку с наиболее опасной стороны. Нравы предписывают, чтобы мужчина женился на женщине, которая от него забеременела" (с. 280). Это чей обычай и какие нравы? Таким образом, здесь этноцентризм предстает уже как *сексизм* (дискриминация по половому признаку. - *Примеч. ред.*). И в том же духе: "То, что в традиционном обществе запрещалось, например, добрачная половая жизнь, сегодня допускается либо не считается безнравственным" (с. 282). Да нет же, не для всех, не везде и не всегда! Во вполне традиционных тихоокеанских общинах чем больше у невесты детей, тем она желаннее: значит, может рожать! А в других - такие связи также вполне допустимы, но только для мужчин.

Этноцентризм автора, обусловленный личной биографией, проявляется и в том, что даются намеки на некоторые социальные явления, вероятно, знакомые представителям его поколения и к тому же, по всей видимости, москвичам, но вряд ли - сегодняшним студентам. Речь идет о тимуровских командах (ну это еще, может, каким-то студентам и известно), но вот что за "тишинские" да "марьянские" ребята (с. 340)? О них - лишь намек, да вот он, увы, мне - тоже москвичке - невдомек. Можно ли рассчитывать на то, что его поймут студенты и студентки из Екатеринбурга или Омска?

Небрежность в понятиях и примерах. Обычно в учебниках как нигде важна точность. Здесь же, к сожалению, это можно встретить редко. Давая несколько определений тому или иному явлению, понятию - например, цивилизации (с. 26) - А.И. Кравченко не указывает, какого понимания он сам будет придерживаться в дальнейшем изложении. Впрочем, нередко оказывается, что никакого, так как введенное понятие далее не используется вовсе. Некоторые термины вводятся без объяснений (например, слово "артефакт" используется на с. 12, а его значение раскрывается на с. 15; наряду с *Homo sapiens* почему-то на с. 17 появляются "гоминиды", потом бесследно исчезающие со страниц издания; то же можно сказать о нуклеарной семье, постиндустриальном обществе, культуре модернити, принципе модернити и т.п.).

Среди тех определений, что приводятся, много неточностей и откровенных ошибок. Например, функциональная неграмотность характеризует не "лицо, утратившее навы-

ки чтения и письма", и не тех, кто "хотят, но не умеют читать" (с. 307). Этот термин обычно подразумевает неспособность владеющего грамотой человека понять прочитанное [3]. Культурная политика трактуется как система практических мероприятий..., направленных на сохранение, развитие и приумножение культурного наследия нации (с. 161). А что же с культурной активностью населения, где и происходит использование этого наследия? Говорится об "аудитории" народной культуры, которую составляет "большинство общества" (с. 74). Интересно, какая такая аудитория у расписного коромысла или примет ветреной погоды? Огонь был "открыт" (с. 137), речь идет не о выстрелах, а об использовании огня древним человеком). Вряд ли можно согласиться и с тем, что уже упоминавшиеся тимуровцы, а также комсомольцы не имели "западных аналогов" (с. 342). В обсуждаемом автором отношении таким аналогом оказываются бой- и герлскауты.

Примеры, как известно, в учебниках играют чрезвычайно важную роль, к ним обычно подходят крайне осторожно, взвешивая все за и против, выясняя, насколько пример нагляден, понятен, свободен от двусмысленностей. К сожалению, подобного отношения к примерам у здесь не встречаю, но встречаю уже знакомый сексизм, читая, например, такое: "Первоисточником культуры, а затем цивилизации, стала хрупкая женщина" (с. 136). Что-то мне трудно представить, как какая-нибудь самка австралопитека, будучи хилой и субтильной, смогла выносить и вырастить детеныша, чтобы впоследствии заслужить почетное звание нашей прародительницы.

Многие факты излагаются без указания на время, и складывается впечатление, что уже при первобытных людях земля оказалась перенаселенной (с. 82). Сплошь и рядом в качестве примеров приводятся устаревшие сведения. Скажем, резервации индейцев и негритянские гетто уже давно не оцениваются столь однозначно негативно, как это делает А.И. Кравченко (с. 192): именно поддержка локальных этнических сообществ позволяет сохранять аутентичную культуру, традиционный образ жизни... Недоумение вызывает утверждение: "В России, как и в любой развитой стране Запада (? - И.Б.), многочисленное и разноликое племя неформалов существовало практически всегда". Что понимает здесь автор под неформалами, остается скрытым между строк. Да и само слово "неформал" - это уже историзм, а не единица современного языка.

Примеры из области психологии не соответствуют современным фактам и выводам, предлагаемым специалистами. Так и хочется спросить автора: откуда он это взял? Например, такое: "Материнская опека и уход за ребенком развивают в нем эмоциональную зависимость от взрослых, несамостоятельность" (из контекста явствует - все плохое), отец "поощряет силовые и военные игры, развивающие самостоятельность и собственную активность ребенка" (с. 173), то есть все хорошее... Далее автор пишет о "нормальном" (sic!) пути социализации, при котором мальчики играют в военные игры, а девочки - в куклы (там же). Здесь видится и тенденциозность, вытекающая из сексистских взглядов автора, и неправомерное обобщение частного (возможно, вполне реального) опыта: "Женщина обеспечивает вынашивание плода, выкармливание младенца грудью и психофизиологический уход за ребенком. Отец подключается к воспитанию позже, но обучает детей *всей* (выделено мной. — И.Б.) сумме необходимых для жизни в обществе знаний" (с. 175).

Прямо противоречит установленным фактам утверждение: "Маленькая девочка учится должному поведению, которое вначале не зависит от специфики пола" (с. 176). Известно, что именно тендерную характеристику люди считают основной при обращении с младенцем¹.

Получается, что неудачно сформулированные, некорректные, неконкретные и тенденциозные примеры служат противовесом заявленному общему подходу к культуре как продукту осмысленной человеческой деятельности, в явном виде обнаруживая

¹ Широко известен в психологии результат эксперимента, поставленного молодыми канадскими родителями-психологами, которые целый месяц не сообщали, какого пола их новорожденный, в результате чего вдръзг поссорились со всеми родственниками-знакомыми.

авторское тяготение к ценностям и представлениям, не отражающим уровень развития современной науки.

Аргументы количественные. Недоумение вызывает использование некоторых количественных данных. От социолога (а именно им является уважаемый автор) можно было бы ожидать конкретных указаний на эмпирические исследования, а не читать, что соотношение любителей и профессионалов в искусстве "равно приблизительно 50:50" (с. 79). То же касается и размера аудитории различных СМИ - вместо грубой схемы, на которой аудитория специализированных журналов выглядит лишь ненамного меньше, чем аудитория массовых (с. 201), вполне можно было бы привести данные хотя бы ВЦИОМ, согласно которым в конце 1990-х гг. телевизор смотрели 97%, слушали радио 95%, читали газеты 61%, популярные журналы - 54% населения страны. А читатели специзданий - в массовом опросе почти не попадают.

Трудно принять безоговорочно на веру сообщение о том, что от культурного шока вестернизации российское общество оправилось быстрее, чем многие другие страны (с. 156). Почему автор решил, что чем шире изучается английский язык во всех странах мира, тем больше будет потенциальных мигрантов, причем непременно в США (с. 157), а не в Новую Зеландию, Великобританию, Австралию, где более либерально иммиграционное законодательство?

С удивлением узнала, что "в США и России высок удельный вес интеллигенции" (с. 130). До сих пор я думала, что интеллигенция - хотя и исчезающее, но сугубо российское-советское-российское явление. Да и удельный вес ее в том значении, которое в это понятие вкладывает автор (совесть нации), совсем невелик, и соответствующие данные в научной литературе представлены (в то время, когда писалась эта книга, уже был опубликован ряд работ [4]).

Оказывается, "современный тинейджер часто встает перед дилеммой: хранить ли целомудрие до брака или, следуя предоставленной свободе выбора и ценностям подростковой группы, реализовать сексуальные устремления" (с. 130). Полно, разве этот выбор мучает их на исходе XX в., когда писалась эта книга? Данная дилемма давно решена: в России, как свидетельствуют многочисленные опросы, доля юношей, вступающих в сексуальные контакты, не связанные с брачным союзом, составляет 90%; среди девушек доля таких лиц постоянно растет; увеличивается доля вступающих в связи до 16 лет [5].

Что-то не припомню и того, чтобы употребление молодежью наркотиков кто-то объяснял ее стремлением походить на взрослых (с. 337). Скорее - стремлением нарушать устанавливаемые ими запреты, да и это в прошлом, а сегодня скорее актуально другое: в России мотивами приобщения к наркотикам называли прежде всего любопытство и влияние друзей [6].

А.И. Кравченко пишет: "Анализ текстов эстрадных песен показывает, что в них отсутствуют понятия о таких ценностях, как труд, семья, любовь, чувство родины и дружбы, зато есть эскапизм" (с. 338). Хотелось бы знать, что за выборка использована автором, на каком языке, когда и кем было проведено исследование. Там же сообщается, что 50% подростков готовы немедленно применить силу в ответ на словесное оскорбление. Как узнать, самооценка ли это, оценка экспертов, реальное ли поведение? И что это за подростки - и мальчики, и девочки? К сожалению, ответов на эти вопросы я не нашла.

Такое обращение с обоснованностью данных демонстрирует глубинное пренебрежение автора к фактическому материалу, легко приносимому в жертву общей теории - в данном случае теории фактически двух культур: "высокой", которой обладает автор, и "низкой" - той, что ему не нравится. Но об этом далее более подробно.

Менторство. Особенно хочется остановиться на разделе, посвященном молодежной субкультуре. Дело не в том, что он несколько выпадает из общей логики оглавления. Дело в том, *какой* изображает автор эту культуру: "Молодежная субкультура часто ассоциируется с тремя негативными чертами, явлениями-символами: наркотиками, сексом и насилием" (с. 327). Интересно, кем она ассоциируется? И почему только с

этим? Известно, что она представляет собой чрезвычайно богатый и разнообразный пласт норм, ценностей, представлений и т.п. Да и, кстати, с каких это пор секс стал символом, да еще и негативным? Какими именно "искусственными заменителями реальных ценностей" (с. 337) наполнена молодежная культура? Автор считает такими, например, продленное ученичество. Но похоже, что все больше людей во всем мире считают себя "пожизненно приговоренными" к получению образования и повышению квалификации. А ценность образования - разве она обязательно что-то заменяет? Еще более странно читать соображения о студентах - тех, кому и адресовано это издание. Оказывается, студенческая молодежь "более оторвана от жизни" (с. 335). От какой такой жизни? Более чем кто?

В таком отношении к молодежи, особенно студенческой, заметно старое известное советское: "кто не работает, тот не человек", причем в экстремальном варианте: "кто не работает полный рабочий день" (а еще лучше - работает руками), тот еще не живет. Понятно, что такой подход трудно назвать согласующимся с целями модернизации, устойчивого развития, кое-где упоминаемыми в данном издании в качестве самой собой разумеющихся ценностей.

Быть или называться учебником? Обычно структура учебника предполагает постепенное усложнение материала, вовлечение в обсуждение все более широкого круга терминов, приведение наиболее известных точек зрения, а также вопросы и задания к тексту. Хотелось бы добавить еще и о специфике российских учебников, наиболее привычных отечественным студентам. Так вот, думается, национальная специфика здесь в том, что учебник содержит набор утверждений, которые не особенно призваны стимулировать поиск, размышления; скорее они рассчитаны на некритичное усвоение. К этому привыкли и учащие, и учащиеся. И потому неудивительно видеть в учебных пособиях наборы более или менее бесспорных на данный момент утверждений. Полагаю, что названные особенности рецензируемой работы вряд ли будут способствовать усвоению материала именно подобными читателями, тем более, что ее автор постоянно рассчитывает не на них даже, а на читателей-социологов, поскольку аналогии с социологией повсеместны ("в культурологии, как и в социологии, выделяются..." (с. 14); "социологи называют их социальными нормами, а культурологи — культурными" (с. 107 и др.).

Особого упоминания заслуживают сноски и ссылки, обращение с которыми весьма избирательно. Иногда, при освещении довольно известных, разделяемых многими специалистами положений имеется указание на пособие для старшеклассников 1994 г. (с. 12 и мн. др.). А вот примеры из психологии или этнографии ссылок не содержат. Впрочем, некоторые зарубежные исследователи все же упоминаются в самом тексте. Здесь хотелось бы равенства, чтобы и перед И. Кантом, и перед К. Коттаком были какие-то поясняющие слова о том, что это за исследователи, когда и что изучали (так, как это делается при упоминании отечественных авторов). И почему в этом опять дискриминация: зарубежные авторы даются со ссылками на работы, а отечественные — очень и очень изредка, просто упоминаются в тексте?

Складывается впечатление: на страницах книги автор устраивает некую смесь из учебника и научной монографии, а также из более и менее современных взглядов, позиций, подходов. Такая комбинация подобна той, что приведена в эпиграфе: вроде бы строки и классические, и всем известные, а в итоге - что? Получается, что перед нами не учебное издание, а книга, на такое издание *похожая*.

Мне бы очень хотелось, чтобы приведенные здесь соображения не расценивались лишь как зловерные придирки к трудолюбивому автору, который проделал большую и важную работу, создал учебник, который, безусловно, лучше многих и заслуживает всяческих теплых слов в связи с вкладом в преподавание культурологии. Тем более, что вторую его - учебника - половину я читала с большим интересом и узнала оттуда много нового и интересного из истории мировой художественной культуры. Я хочу, чтобы читатели обратили внимание на необходимость более тщательной организации общения со студентами. И в этой связи вот какие наблюдения.

Поздняя и ускоренная модернизация, которую переживает Россия в последнее десятилетие, как известно, привела к резким социально-экономическим переменам. Те изменения в образе жизни и мыслей, что проходили в Западной Европе и Северной Америке в течение XVIII-XX вв. весьма постепенно, сейчас стремительны, протекают 5-7 лет, то есть касаются всех ныне живущих поколений. Протекают они, конечно же, с разной интенсивностью не только в разных группах, но и в рамках бытия и сознания каждого отдельно взятого человека.

Как это влияет на учебную литературу? Влияет и в плане содержания, и в плане восприятия.

Во-первых, преподавателю приходится много читать, чтобы не оказаться в хвосте этих изменений. А делать это сегодня нелегко: с одной стороны, явно недостаточно просто провозглашать приверженность новым взглядам. А с другой - в библиотеках нет новой литературы, и с иностранными языками не все так просто, и вообще слишком многим приходится работать в нескольких местах. В результате повышать квалификацию, обновлять запас старых знаний негде и некогда. Можно, конечно, обменяться взглядами с коллегами, но систематических знаний это не гарантирует. Отсюда - упомянутая смесь разных подходов и взглядов, неточности, необязательность терминов и примеров, факультативность разделов и глав. Приходится признать, что условность и приближенность системы научных взглядов все в большей мере характеризуют сознание ученых-обществоведов и гуманитариев не только в нашей стране, но и в остальном мире в связи с распространением постмодернистского мироощущения; стройную систему оказывается возможным выстраивать применительно ко все более частным и узким ее областям, но не ко всей дисциплине.

Во-вторых, отмена практики рецензирования и литературного редактирования в этих условиях (равно как и их формальное наличие) приводят к поверхностному знакомству других лиц с текстом на стадии, предшествующей тиражированию. Как следствие, все упомянутые "измы" остаются незамеченными и просачиваются в печать. Небрежность и торопливость заметны и здесь, выливаясь во множество опечаток, повторов и т.п.

В-третьих, нередко издавать учебники стали лица, материал свой в лекциях не проверявшие, не апробировавшие ни примеры, ни определения. Не для коллег-социологов же учебник пишется, хотя именно коллеги и оказываются наиболее знакомыми и привычными партнерами по общению на темы профессии. Такие авторы просто не могут так же полно, как и преподаватели, представить себе разнообразие взглядов, знаний, отношений студентов, их аргументы, их способность воспринять сказанное. В итоге - неточность адресата, невнятность для него, непонятность, неадекватная форма подачи учебного материала.

В-четвертых, говоря уже собственно о студентах, стоит учитывать тот факт, что сегодняшние студенты — поколение иное, чаще не читающее. Как показывают исследования, шансов у толстых книг не так уж и много: французские студенты, например, даже и в руки не брали толстых книг [7]. А теперь такое отношение студентов к книгам все больше распространяется и в нашей стране - ничего не поделаешь, это не "книжное", а "экранное" поколение. И его особенность заключается в том, что под воздействием привычки к восприятию информации с экрана во время чтения вместо вдумчивого восприятия текста начинает доминировать скольжение, проглядывание и пролистывание. Люди, более привычные к восприятию информации с экрана, демонстрируют меньше усидчивости и терпения, им труднее воспринимать материалы на слух. В их речи усиливается торопливость, чаще встречается перескакивание с темы на тему. Заметнее ограничен их словарный запас. Они чаще страдают грамматически недоразвитой речью (неправильно употребляют род, число и падеж, путают предлоги и т.п.). Способность концентрироваться - навык, для развития которого необходима постоянная практика, а вот ее-то как раз и не хватает. Очевидно, что преподаватель со стажем не может пройти мимо подобных явлений и замечает их все чаще.

Конечно, студенты по-прежнему читают. Но они читают иначе. Это так назы-

ваемые "ленивые" читатели. Если они читают на досуге, то все чаще предпочитают не только романам², но и повестям издания, которые не являются художественными и еще недавно составляли до 90% читаемых произведений: справочники, книги рекордов, комиксы, путеводители и иные жанры, по возможности без сюжета. Московские студенты-гуманитарии еще пару лет назад на вопрос о том, из чего состоит их подготовка к еженедельным занятиям по культурологии, в 20% случаев сообщали, что обычно никакой подготовки не требуется. Что же касается остальных, то это либо просмотр конспекта (60%), либо просмотр учебника, пособия, хрестоматии по предмету (34%), затем - чтение другой рекомендованной литературы (27%) [8].

Таким образом, как бы хорош ни был учебник, шансов, что студенты-очники его прочтут, становится все меньше. В этой связи, очевидно, будущим авторам учебников придется больше внимания уделять созданию параллельных и самостоятельных электронных учебников по все более узким областям и частным вопросам, шире использовать графические и звуковые возможности компьютеров, шире применять интерактивные приемы обучения. В таком отношении, полагаю, полезными будут учебники-конспекты, а также всякий справочный материал в виде катехизисов и прочих текстов в кратких жанрах (желательно с картинками и играми-заданиями типа "вставьте пропущенное слово").

Наконец, имеет смысл помнить о том, что читать-то учебники по общеобразовательным предметам будут в основном девушки, женщины - и потому, что их больше среди гуманитариев-студентов, и потому, что они более усердны в учебе и более восприимчивы к печатному слову. А значит политическую корректность (в данном случае отсутствие сексизма) стоит соблюдать тем более.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кравченко А.И.* Культурология. М.: Академический проект, 2000. 736 с.
2. *Eaton V., Howkins T., Laing A (Eds.)* Disorder and Discipline. Popular Culture from 1550 to the Present. N.Y., 1988.
3. *Чудинова В.П.* Функциональная неграмотность - проблема развитых стран // Социол. исслед. 1994. № 3.
4. Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. М.: 1993; *Наумова Т.В.*, Интеллигенция и пути развития российского общества // Социол. исслед. 1995. № 3; *Фирсов Б.М.* Интеллектуалы, власть и коммуникация // Социологический журнал. 1995. № 4; Раскол интеллигенции // Человек. 1995. № 2; *Руткевич М.Н.* Трансформация социальной структуры российского общества // Социол. исслед. 1997. № 7.
5. *Голод С.И.* Сексуальная эмансипация мужчин и женщин // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. №2.
6. *Гришко А.Я.* О наркомании среди подростков // Социол. исслед. 1990. № 2.
7. *Куликова О.* Что читает молодежь Франции // Книжное обозрение. 1996. №11.
8. Подробнее см. *Бирюков П.Б.* Чтение в жизни современных студентов. М.: РИК, 1999.

² Женские романы, часто называемые респондентами в этой связи, - это все же небольшие по объему произведения, и потому их популярность только подтверждает наши промежуточные выводы.